

Глядя на Цзян Лэ, который, кроме раны на руке, был цел и невредим, Ван Вэйфэн не мог совсем не заподозрить неладное. Просто это подозрение было очень слабым и ещё не успело заставить его задуматься, как его подавила ввевшаяся в кости самоуверенность.

Наверное, сухопутные пиявки просто были ближе к нему и первым делом прорвали его плотскую защиту. К тому же кровь обладателя способности содержит энергию, которая для мутировавших существ привлекательнее, чем кровь обычного человека.

— Чего застыли? Быстро помогите мне встать, — с мрачным лицом крикнул Ван Вэйфэн своим подручным.

Эффект самоокаменения ноги и онемение, вызванное сухопутными пиявками в ране, ещё не прошли, поэтому Ван Вэйфэн пока не чувствовал сильной боли. Просто сама рана была слишком страшной, и от неё у него слабели ноги.

— Да, и не забудьте найти кристаллическое ядро, — с трудом дыша, приказал Ван Вэйфэн.

Тела сожжённых сухопутных пиявок лежали на земле несколькими кучками, но несколько человек перерывали эти кучки туда-сюда довольно долго и так и не увидели ни тени кристаллического ядра.

— Что за дела? Может, они слишком мелкие и у них нет ядер?

Цзян Лэ стоял рядом, не двигаясь и не говоря ни слова, почти не имея присутствия. Но уши всё равно ловили каждый тончайший звук в старом цехе, включая лёгкое шевеление той мясной массы, что с самого начала всё это время скрывалась в темноте.

Сказать, что в этой куче пепла нет кристаллического ядра, потому что сухопутные пиявки слишком маленькие, было верно. Но и неверно. На самом деле сухопутные пиявки и кровавая лоза были похожи не только тем, что высасывали плоть и кровь, но и способом нападения. Всем управлял один главный мозг, а лозы или мелкие сухопутные пиявки были лишь заменяемыми частями, чья гибель не затрагивала корень. Набрав немного энергии, они в любой момент могли воспроизвестись заново.

Сейчас то самое кристаллическое ядро всё ещё пряталось в глубине материнского тела где-то в трубе. Ради самосохранения оно больше не рискнёт нападать.

Пальцы Цзян Лэ невольно слегка придерживали крышку посадочного сосуда на другой руке, успокаивая кровавую лозу, которая, ощутив родственную силу, стала ещё беспокойнее. На лице же он не показывал ничего и добросовестно играл невежественного обычного человека.

Ван Вэйфэн смотрел, как они ищут ещё больше десяти минут. Видя, что ядро по-прежнему не находится, он начал раздражаться. Но за время ожидания рана на его ноге постепенно вернула чувствительность. Усиливающаяся боль заставила лоб Ван Вэйфэна покрыться холодным потом. Острые, как удары током, вспышки боли дёргались и били прямо в сердце, от чего у него дрожали зубы, когда он говорил:

— Ла... ладно. Зачистили это место — и хватит. Несите меня обратно, надо найти кого-нибудь полечить.

По дороге обратно Ван Вэйфэн не переставал стонать от боли. По пути они даже привлекли нескольких зомби, которых он, вымещая злость, окаменил.

Когда они добрались до базы, боль уже лишила Ван Вэйфэна сил кричать. Он мог только мычать и стонать, привлекая к себе взгляды многих людей. Новость о том, что Ван Вэйфэна, который обычно распоряжался всеми направо и налево, пронесли от ворот базы с покалеченной ногой, очень быстро дошла до множества ушей. В том числе до Чжан Хайяна и его группы, которые как раз закончили сегодняшнее задание по убийству зомби.

С одной стороны, Чжан Хайян счёл это возмездием для Ван Вэйфэна и чем-то вроде отдушины за вчерашнее. С другой — забеспокоился о Цзян Лэ, о положении которого ничего не знал.

Если даже Ван Вэйфэн пострадал, то с его привычкой в опасности сначала подставлять других разве Цзян Лэ не должен был оказаться в ещё большей опасности?

Но очень скоро Чжан Хайяну временно стало не до этого.

У пункта получения заданий их команда сдала такое же количество кристаллических ядер зомби, как обычно, но получила за них меньше еды, чем раньше. Если прежде, рискуя жизнью целый день, можно было добыть еды на семь десятых сытости, теперь оставалось лишь на пять десятых.

— Почему? Это уже слишком!

— Так мы вообще не наедемся!

— Тогда мы не будем менять!

Возмущение Чжан Хайяна и остальных разделяли и другие обычные люди, вернувшихся сегодня после убийства зомби. Но эти слова упали на землю, как вата, легко и без малейшей силы что-то изменить.

Обладатель способности, принимавший кристаллические ядра в пункте заданий, только холодно усмехнулся:

— А кто виноват, что теперь всё больше людей убивают зомби? Ядра подешевели, ясно? Сегодня не хотите менять — завтра цена может быть уже не такой. Меняйте или нет, как хотите. Желających полно.

Эта фраза закупорила в горле все жалобы. После нового колебания всё же несколько человек вышли вперёд и обменяли добытые за день ядра на две лепёшки размером с ладонь. Были и те, кто со злости развернулся и пошёл домой. Чжан Хайян был среди них.

Цзян Лэ пришёл домой раньше Чжан Хайяна.

Ли Цзяцзя у двери стирала в маленьком тазике одежду Таньюань, снова и снова перетирая её в воде. Услышав приближающиеся шаги, она подняла голову. Увидев, что это Цзян Лэ, она улыбнулась ему.

Печенье, которое Цзян Лэ дал вчера, она сегодня размочила горячей водой и дала дочери. Маленькая девочка, по крайней мере, поела заметно больше обычного.

Цзян Лэ поднял руку в сторону Ли Цзяцзя. На ладони у него был свёрток, завёрнутый в газету, так что нельзя было понять, что внутри. Положив его на цементный блок перед домом, он сказал:

— Невестка, это мне сегодня досталось за задание. Вечером поешьте это.

Ли Цзяцзя осторожно приподняла угол газеты и увидела внутри пять лепёшек с начинкой и три плотных белых маньтоу.

Лепёшки выглядели жирными и блестящими. Мягкая сладковатая морковная соломка и говядина с прослойками жира сплелись в одно целое, были обернуты тестом и расплющены. Жир просочился наружу, и под действием горячего масла корочка стала хрустящей.

А три больших белых маньтоу были такими белыми, что с первого взгляда было ясно: их сделали из тонкой белой муки.

Взгляд Ли Цзяцзя притянуло к этой еде, и она почти не могла отвести глаза. Когда она пришла в себя, то обнаружила, что уже дважды невольно сглотнула.

Оставлять такую еду снаружи было тревожно. Ли Цзяцзя поспешно вытерла мокрые руки о пояс, взяла газету и отнесла в дом. Не понимая, она спросила:

— Откуда столько еды? — Потом посмотрела за спину Цзян Лэ, но не увидела там Чжан Хайяна.

Двое утром вышли вместе. Почему не вернулись вместе?

У Ли Цзяцзя сердце ухнуло. Свяжав это с едой, она резко схватила Цзян Лэ за запястье:

— С нашим Чжаном ведь ничего не случилось?

Чтобы она не успела вообразить худшее, Цзян Лэ перебил её:

— Невестка, я не ходил вместе с братом Чжаном. Это я получил за задание с командой обладателей способностей.

Сердце Ли Цзяцзя только тогда вернулось на место. Но она тут же замахала руками на еду:

— Тогда это твоё. Оставь себе. Сейчас холодно, оно долго пролежит.

Вчерашние молочные конфеты и печенье уже заставили Ли Цзяцзя чувствовать, будто она воспользовалась добротой Цзян Лэ. А насколько трудно сейчас заработать немного еды, Ли Цзяцзя знала.

Цзян Лэ сказал:

— Невестка, я не могу жить у вас даром. Считай это платой за жильё. Да и в такие времена наелся в этот раз — уже хорошо. Где тут думать о следующем?

Ли Цзяцзя теребила руки и не знала, как возразить. Цзян Лэ уже наклонился, чтобы поиграть с Таньюань, и она могла только сначала выйти и продолжить стирать, ожидая Чжан Хайяна.

Таньюань сидела в углу лежанки на подложенном куске пластика и играла несколькими кубиками. С самого начала она, задрав голову, смотрела на Цзян Лэ. Девочка помнила вчерашнюю молочную конфету, поэтому подняла лицо и улыбнулась ему.

Только на худеньком личике почти не было мяса, и от этого она выглядела жалко.

Цзян Лэ поднял руку и потрогал лоб девочки. У неё была температура, поэтому эти два дня она казалась такой болезненной и вялой.

Цзян Лэ нашёл в пространстве флакон подходящего лекарства и по дозировке налил Танъюань одну крышечку.

Девочка не знала, что это, но, почувствовав сладкий вкус, послушно выпила лекарство.

Чжан Хайян возвращался, полный обиды, но чем ближе подходил к дому, тем медленнее становились его шаги. Увидев Ли Цзяцзя, стирающую у двери одежду, он понял, что у него вообще нет права злиться из упрямства. Он глубоко вздохнул, развернулся и побежал обратно той же дорогой, желая вернуться к пункту получения заданий и обменять те две лепёшки.

Но когда Чжан Хайян вернулся к пункту, человек, принимавший ядра, посмотрел на протянутые им кристаллические ядра и сказал:

— Теперь можно обменять только на одну лепёшку. Меняешь?

— Разве не говорили, что две... — потрясённо сказал Чжан Хайян.

— Это была цена тогда. Кто виноват, что ты не поменял? Сейчас только одна. Хочешь — меняй, не хочешь — не загораживай тем, кто за тобой.

Кто-то позади поспешно спросил:

— А у нас всё ещё две, да?

Обладатель способности кивнул, и остальные замолчали, только смотрели на Чжан Хайяна.

У тех, кто стоял позади, всё ещё было две. Очевидно, это была намеренная расплата за то, что Чжан Хайян только что в сердцах ушёл.

Но кулак, который Чжан Хайян сжал, в конце концов всё равно разжался. Он молча положил кристаллические ядра, взял одну лепёшку и ушёл.

Вернувшись домой, он думал, что увидит привычную унылую тяжесть, но неожиданно из дома донёсся звонкий смех Танъюань.

Чжан Хайян пригнулся и вошёл. Он увидел, что Цзян Лэ играет с Танъюань в кубики.

Узнав, что Цзян Лэ сегодня не только вернулся целым, но ещё и принёс столько еды, Чжан Хайян был поражён и хотел что-то сказать, но сдержался.

Ли Цзяцзя не знала, как именно выглядит задание вместе с обладателями способностей, поэтому поверила предлогу Цзян Лэ. Но Чжан Хайян знал. И тем более понимал, что такой человек, как Ван Вэйфэн, ни за что не стал бы отдавать обычному человеку столько еды.

Однако всё это Чжан Хайян временно удержал в сердце.

Несколько человек разделили лепёшки с начинкой и маньтоу. Ощущение жира и углеводов, наполняющих живот, было слишком прекрасным. Сегодня даже Танъюань, у которой в последние дни пропал аппетит, съела столько, что животик стал круглым. Вечером она почти не плакала и уснула. Ли Цзяцзя обняла её, и дыхание матери с дочерью было ровным и долгим.

Ночь полностью опустилась, звуки вокруг затихли. Цзян Лэ, как и прошлой ночью, тихо выскользнул из железной хижины, перемахнул через стену базы и по памяти двинулся к тому старому заводу. Ему нужно было забрать кристаллическое ядро сухопутных пиявок.

Волчонок появился на полпути и бесшумно пошёл за Цзян Лэ. Дойдя до старого завода, он внутрь не вошёл, а остался ждать у входа. Он всегда ненавидел этих кровососущих тварей.

Лунный свет лился через высокие стеклянные окна по краям старого цеха, отражался от слегка светящегося мха на влажных стенах и укрывал помещение слоем зелёного мерцания. Вокруг было тихо. Лишь в металлических трубах изредка собирались и падали капли воды, с лёгким звуком разбиваясь о маленькие лужицы на полу.

Стоило снова вернуться сюда, как кровавая лоза заволновалась от возбуждения. Когда Цзян Лэ, следуя её желанию, приподнял крышку посадочного сосуда, из маленького, размером с циферблат, сосуда в одно мгновение наполовину вырвались бесчисленные лозы. Взяв начало на запястье Цзян Лэ, они, словно волосы морской сирены, легко извивались в воздухе, плавали в зелёном мерцании и концами лоз улавливали каждый запах, дрейфующий в воздухе.

Хотя кровавая лоза могла утолять голод кристаллическими ядрами зомби, больше всего ей нравилась более чистая сила. Отнимать и убивать было вшито в природу всех мутировавших существ.

Цзян Лэ тоже раскрыл пять чувств, тщательно улавливая и различая местоположение материнского тела мутировавших пиявок.

Почти в тот же миг Цзян Лэ шагнул вперёд, а лозы кровавой лозы все вместе потянулись в одном направлении.

Первый шаг Цзян Лэ был широким. Через два-три шага он прямо побежал. Следуя за почти неразличимым звуком, он погнался до конца изгиба трубы. Материнское тело мутировавших пиявок внутри трубы тоже почувствовало опасность и попыталось уйти по трубе, соединённой с улицей. Цзян Лэ одной ногой оттолкнулся от стены и прыгнул вверх, другой рукой с силой опустил горный нож, грубо прорубив в этом участке трубы дыру размером с чашу и отрезав материнскому телу путь к отступлению.

В тот же миг, когда труба была пробита, кусок мяса на глазах у Цзян Лэ скользнул глубже внутрь. Цзян Лэ просто наступил на эту трубу и погнался шаг за шагом. Четыре-пять ударов ножом подряд, лязг за лязгом, и он раз за разом гнал материнское тело обратно в угол, где тому оставалось только съёжиться.

Внутри трубы материнское тело мутировавших пиявок издало резкий писк, похожий на мышинный. Когда лозы кровавой лозы проникли внутрь, оно бешено задёргалось, заставив трубу сильно затрястись.

А из прорубленных Цзян Лэ проломов, словно кровь из раны, хлынули бесчисленные сухопутные пиявки. Едва коснувшись внешнего воздуха, эти твари начали бешено прыгать к Цзян Лэ с таким видом, будто даже если сегодня им предстоит умереть здесь, они всё равно должны утянуть кого-нибудь с собой.

Мутировавшая сухопутная пиявка одним прыжком могла пролететь больше десяти метров. А стоило ей коснуться кожи и плоти, как присоска на голове сразу вступала в действие и намертво вцеплялась в жертву. Даже если насильно оторвать её, на месте касания всё равно оставалась разъеденная кровавая дыра. И пока присоска была цела, она, продолжая сосать,

могла меньше чем за минуту отрастить новое тело.

Цзян Лэ, рассчитывая углы, прыгал по трубам и уклонялся. Но уже через несколько движений почувствовал, что хрупкая труба под ногами задрожала перед тем, как вот-вот сломаться.

А мутировавшие пиявки уже окружали его с нескольких сторон, жадно нацелившись на всё тело Цзян Лэ.

Видя, что опасность близка, кровавая лоза в этот миг отозвала лозы, которые прежде преследовали материнское тело, и прежде чем дочерние тела мутировавших пиявок успели коснуться Цзян Лэ, сплела в воздухе плотную сеть из лоз, как стеной отгородив опасность.

Мутировавшие пиявки ударились о кровавую лозу, издав плотный частый треск.

Маленькие присоски на лозах резко раскрылись и намертво схватили эту плоть, самую пришедшую к двери. Пиявки толщиной с палец Цзян Лэ в мгновение ока были высосаны досуха на присосках кровавой лозы.

Но расслабиться не удалось даже на секунду. Труба под ногами Цзян Лэ наконец не выдержала издевательств, с треском переломилась и рухнула на землю. Цзян Лэ, стоявший на ней, тоже вынужден был падать. В короткое мгновение полёта он тут же скорректировал положение, чтобы даже после падения не оказаться слишком пассивным и сразу вступить в бой.

Но неожиданно чёрная тень снаружи в тот же миг метнулась под него. Тело раздалось в несколько раз больше обычного, чтобы площади хватило, и мягкая шерсть на спине приняла падающего с высоты Цзян Лэ.

Оставшиеся в разломанной трубе мутировавшие пиявки посыпались вниз, как дождь, и постепенно увеличивались в поле зрения лежащего на спине Цзян Лэ.

В следующую секунду волчонок включил скорость на полную. Он одним прыжком переместился в другой конец здания, уклонился от дочерних тел, а затем резко выплюнул струю пламени.

Скорость была такой высокой, что многие мутировавшие пиявки, всё ещё висевшие в воздухе, прямо там превратились в уголь.

Бедной оказалась только кровавая лоза. Её тоже вместе с ними мгновенно перенесло, но ни мягкой шерсти под ней не было, и морально она к этому не готовилась. Лозы почти грубо потянуло инерцией следом. Чувство, похожее на укачивание, заставило кровавую лозу выплунуть недоеденных мутировавших пиявок, и бесчисленные половинки трупов посыпались на землю.

К тому же, когда волчонок плевал огнём, он совершенно о ней не думал. Горячая волна обожгла лозы до боли!

Волк и лоза просто противоречили друг другу по всем свойствам. Неудивительно, что они с первой встречи конфликтовали.

Цзян Лэ спрыгнул со спины волчонка и похлопал его по боку в знак благодарности.

А когда вся металлическая труба рухнула на землю, кроме мутировавших пиявок, которые всё ещё вылезали наружу, кровавое материнское тело тоже больше не имело укрытия.

Передвигалось оно не так уж медленно, но слишком легко предугадывалось.

Горный нож Цзян Лэ с силой полетел вперёд. Огромная сила пробила прогнувшую внешнюю стенку трубы, насквозь пронзила материнское тело мутировавших пиявок и пригвоздила его к месту. Оно не могло двигаться и издало пронзительный писк.

Дочерние тела ощутили боль материнского тела, и их движения стали ещё безумнее и более изломанными. Но из-за боли материнское тело не смогло отдать приказ, поэтому они, наоборот, уже не так твёрдо целились в Цзян Лэ, как в начале, а растерянно металась на месте.

Кровавая лоза перенесла всю ненависть за укачивание и ожог огнём на материнское тело мутировавших пиявок. Она снова выстрелила лозами, прицелившись в место, где находился горный нож, полностью обвила материнское тело и напрямую добралась до кристаллического ядра.

Резкий писк наконец постепенно стих, и тишина объявила о смерти материнского тела.

Кристаллическое ядро жемчужного цвета было поднято лозой в воздух. словно с победным видом, лоза втянулась с ним обратно к Цзян Лэ.

Цзян Лэ взял кристаллическое ядро мутировавших пиявок в руку и почувствовал, как бесчисленные лозы кровавой лозы с жаждой извиваются у его пальцев. Но даже так сильно желая эту родственную силу, которая была ей очень полезна, она всё равно сначала передала ядро Цзян Лэ.

Цзян Лэ тоже не обманул ожиданий кровавой лозы и спустя мгновение скормил ей это ядро.

Лозы, обвив желанное ядро, удовлетворённо втянулись обратно в посадочный сосуд.

Цель была благополучно достигнута. Цзян Лэ расслабился и собирался уходить, но волчонок вдруг ткнулся носом ему в руку. Цзян Лэ опустил взгляд и увидел, что волчонок заметил рану, которую он раньше сделал кинжалом Ван Вэйфэна.

Прошло уже много времени, кровь давно остановилась, но поперечный след на светлой коже всё равно был заметен.

Поскольку форма этой раны могла быть похожа и на след от удара лозой, а рану ещё и облизывала кровавая лоза, на ней остался её запах.

Взгляд волчонка опасно скользнул по посадочному сосуду. Казалось, если бы кровавая лоза уже не вернулась внутрь сосуда, а сам сосуд не находился на запястье Цзян Лэ, он без малейших колебаний плюнул бы огнём и сжёг кровавую лозу насмерть.

Цзян Лэ встретился с глазами волчонка и понял смысл его взгляда. Он объяснил:

— Это я получил раньше, когда выходил с теми обладателями способностей.

Другими словами, кровавая лоза была ни при чём.

Волчонок, видя, что он не похож на лжеца, только тогда отвернулся и медленно пошёл впереди.

Перемахнув через стену и легко избежав взглядов патруля, Цзян Лэ беззвучно нырнул в

темноту. Почувствовав шаги волчонка позади, он обернулся и жестом показал, чтобы тот вошёл в пространство.

Но волчонок не обратил на него внимания и побежал куда-то в сторону центра базы.

Цзян Лэ не знал, что он собирается делать, и сперва хотел догнать его. Но у дверей дома Чжан Хайяна в темноте кто-то поднялся. Шаги Цзян Лэ остановились, и спустя мгновение он решил пойти к тому человеку в тени.

— Брат Чжан, почему ещё не спите?

В темноте у двери стоял именно Чжан Хайян. Цзян Лэ не слишком удивился.

— Ты... ты не обычный человек, — Чжан Хайян говорил как можно тише, обрывисто, но уверенно. Когда Цзян Лэ только что перемахнул через стену, Чжан Хайян тоже видел чёрную тень, следовавшую за ним. Она смутно наложилась на образ чёрного гигантского зверя, которого он увидел в критический миг встречи с мутировавшей дикой свиньёй.

Даже если бы он не увидел волчонка, всех подсказок, сложенных вместе, хватало, чтобы понять: личность Цзян Лэ непростая.

— Таньюань сказала Цзяцзя, что ты дал ей выпить сладкую водичку, — сказал Чжан Хайян.

Через несколько часов после этого у дочери начал спадать жар, и аппетит тоже улучшился. Чжан Хайян предположил, что Цзян Лэ дал Таньюань лекарство. Сейчас оно было даже ценнее еды.

Как обычный человек мог достать столько еды? Как обычный человек мог вступить в команду Ван Вэйфэна, не только сам вернуться целым, но ещё и заставить Ван Вэйфэна лишиться ноги?

— Я действительно обычный человек. Просто не совсем такой же, как вы, — сказал Цзян Лэ.

Чжан Хайян не собирался допытываться о личности Цзян Лэ. Он лишь понял причину, по которой выжил на краю смерти. Он поднял руку, вытер влажный след у глаз и сказал Цзян Лэ:

— Сяо Цзян, я просто хотел сказать тебе спасибо.

Цзян Лэ не стал говорить ничего сентиментального и прямо сказал:

— Брат Чжан, я не знаю, как долго пробуду здесь. Но пока я тут, можно попросить вас об одной помощи?

Чжан Хайян поспешно спросил:

— Какой помощи? Говори.

— Пока я живу здесь, надеюсь, вы не будете рассказывать обо мне другим.

— Конечно. Я никому не скажу, — тихо пообещал Чжан Хайян.

Цзян Лэ кивнул и будто невзначай сказал:

— И ещё. Я тоже принимаю кристаллические ядра зомби. Какая сейчас закупочная цена на базе?

Чжан Хайян рассказал Цзян Лэ нынешнюю цену базы за ядра.

Цзян Лэ задумчиво кивнул:

— Тогда так. Вот такое количество зомби: после того как вы достанете ядра, сложите тела вместе. Когда вернётесь, скажете мне координаты, я сам пойду и обработаю. За это я обеспечу три приёма пищи. Как вам?

Потребность кровавой лозы в кристаллических ядрах зомби становилась всё больше. Теперь каждый день нужно было кормить её сотней с лишним ядер, чтобы шкала голода исчезала. Хотя на складе Цзян Лэ ещё лежало немало накопленных ядер, лишний запас не помешает. Покупать у Чжан Хайяна кристаллические ядра зомби было выгодно им обоим.

Чжан Хайян замер. Обеспечить три приёма пищи — это было совсем не то же самое, что две сухие лепёшки размером с ладонь.

Сердце у него забилося, и он спросил Цзян Лэ:

— Завтрак, обед и ужин?

Увидев, что Цзян Лэ кивнул, Чжан Хайян почувствовал, что сердце забилося ещё быстрее. Он переспросил:

— А... а мои друзья? Они тоже могут менять у тебя кристаллические ядра зомби?

Он не мог сам получить возможность наесться досыта у Цзян Лэ, а товарищей, с которыми сражался бок о бок, оставить менять добычу на две сухие невкусные лепёшки.

— Могут. Но ты должен гарантировать, что им можно доверять.

Чжан Хайян обрадовался до крайности и снова и снова заверил:

— Да, да, конечно. Это всё люди, с которыми мы жизнью рисковали. Я за них ручаюсь.

На самом деле не так уж важно было, сможет ли Чжан Хайян действительно гарантировать, что личность Цзян Лэ не раскроют. Цзян Лэ просто не хотел иметь на базе слишком заметное присутствие. Он планировал воспользоваться координатами мутировавших существ, которые давала база, собрать кристаллические ядра и уйти.

Пока здесь шёл горячий разговор, в другой стороне чёрная тень бесшумно ловила в воздухе запах Ван Вэйфэна. Определив комнату на втором этаже одного здания, водянисто-голубые волчьи глаза через освещённое окно намертво впились в человеческий силуэт внутри.

Ван Вэйфэн лежал на кровати, раненая нога была высоко подвешена. Хотя обладатель целительной способности уже лечил его, полностью восстановиться за короткое время было невозможно. К тому же, как говорили, максимум вернётся восемьдесят процентов прежней функции.

Он ощупывал своё бедро и втайне вздыхал: сколько ни ходи у реки, рано или поздно промочишь обувь. Потом вспомнил Цзян Лэ и, раздражаясь из-за того, что этому дураку так повезло, не удержался и пробормотал:

— А тот дурной мальчишка, если честно, выглядит довольно аппетитно. Если бы сегодня не эта нога и было не до него...

Сидевший рядом подручный знал его вкусы и походя поддакнул чем-то вроде «времени ещё полно». Потом вдруг почувствовал, что хочет отлить, поднялся и сказал:

— Брат Ван, я поссать схожу.

— Твою мать, ты мне ещё о мочеиспускании докладывай. Мне тебе подержать, что ли?

Подручный хихикнул и, выходя, сказал:

— Это сейчас я тебе, брат Ван, утку подаю.

Когда он вышел, дверь закрылась не до конца. Через десяток секунд снаружи снова раздался скрип, и дверь отворилась.

— Ты чего так быстро отлил? — Ван Вэйфэн не обернулся. — Член короткий, мочи тоже мало?

Но никто ему не ответил. Только горячее дыхание ударило в бок головы Ван Вэйфэна, и от этого дыхания веяло пронизывающим холодом.

— Ты, мать твою, чего мне в башку дышишь?! — Ван Вэйфэн в ярости обернулся. Но увидел не своего подручного, а огромную волчью голову.

В одно мгновение его дыхание застыло. Огромный страх лишил его голоса. Он боялся шевельнуться лишний раз, чтобы не погибнуть в волчьей пасти.

В глазах гигантского волка Ван Вэйфэн увидел отчётливое намерение убить. Но почему-то взгляд того в конце концов очень сдержанно опустился на его левую руку.

В промежуток между вспышкой молнии и искрой кремня гигантский волк раскрыл пасть и метнулся вперёд. Прежде чем Ван Вэйфэн успел закричать, раздался хруст: волк одним укусом раздробил ему предплечье. Затем он развернулся, выпрыгнул в окно и одним движением исчез в темноте.

Остался только Ван Вэйфэн, который, сжимая раскрошенную кость своей руки, издал визг, похожий на свиное визжание перед убоем.

<http://bllate.org/book/17649/1689476>